

Отзыв

официального оппонента о диссертации
Хандаровой Ольги Владимировны на тему «Формирование литературных
репутаций Н.Г. Дамдинова и А.А. Бальбурова»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических
наук по специальности 10.01.02 – литература народов Российской
Федерации (сибирская литература: алтайская, бурятская, тувинская,
хакасская, якутская)

Ольга Владимировна Хандарова выбрала для изучения трудную тему. И не только потому, что работ по проблеме литературной репутации писателей пока еще мало (эта междисциплинарная область науки, соприкасающаяся с социологией, психологией, культурологией, коммуникативной сферой и непосредственно с филологией, только начинает разрабатываться) и не до конца определены теоретические подходы к данному объекту исследования, но и потому, что выбранный ею материал для большого пространства литературоведения поистине экзотичен. Речь идет о писателях широко известных – пусть это не воспримется с обидой – в «узких кругах», т. е. о писателях национальных, не получивших в свое время очень широкого распространения, однако имевших, что важно отметить, официальное признание, ибо во времена существования СССР делалось необычайно много для утверждения значимости национальных литератур. До диссертации О.В. Хандаровой осуществлялись исследования подобного рода о Пушкине, Бродском, Арцыбашеве, Пильняке, Замятине, т. е. писателях, о которых в филологии уже составилось определенное представление (с ним диссертант и должен соотнести полученные результаты). К тому же в поле зрения авторов упомянутых диссертаций находится преимущественно один писатель, чья репутация и «отслеживается» на протяжении определенного отрезка времени. Исключение – диссертация М.М. Захаровой «Формирование литературных репутаций Б.А. Пильняка и Е.И. Замятина в советской публицистике 1920-х – 1930-х гг.», но и она имеет свои особенности, т. к. в ней представлен все же журналистский ракурс рассмотрения проблемы, и к тому же взяты писатели, во многом совпадающие по идеологической ориентации, имевшие в чем-то

схожую судьбу (гонения, неприятие и пр.), хотя и различный ее финал. Случай же с выбором материала О.В. Хандаровой совершенно иной: ею взяты два художника, сыгравшие огромную роль в становлении бурятской литературы, способствовавшие ее окончательному оформлению в качестве составляющей советской культуры. Но в то же время обладавшие различным личностным потенциалом: Н. Дамдинова можно назвать литератором, полностью воплотившим идеал советского писателя, строившим свою биографию в соответствии с заданным социокультурным кодом, а А. Бальбуров, напротив, в какой-то мере разрывал или пытался разорвать накладываемые социумом «путы» и был, как я поняла, в некотором роде *enfant terrible* бурятской словесности.

Это позволило автору диссертации создать определенное драматическое поле в рассмотрении их судеб, завершившихся различным образом. Кроме того, изучение фигур, крайне значимых в пределах одной национальной сообщества, но менее востребованных в панораме всей литературы соответствующего периода, дало возможность диссертантке выйти на уровень размышлений об относительности выстраивания литературных рядов, об условности литературной иерархии, которая определяется многими составляющими, а не только «безусловной» художественной ценностью созданного. Эта проблема в свое время была затронута в интереснейших статьях С.И. Кормилова «Мировая литература, литературные ряды и их история» (Вопросы литературы. 1997. № 2) и «О соотношении “литературных рядов” (опыт обоснования понятия)» (Известия АН. Сер. лит. и яз. 2001. Т. 60. № 4). И к чести исследовательницы можно сказать, что ее литературоведческая мысль развивается в том же направлении. Действительно, значение молодой и немногочисленной литературы, и даже конкретнее – литературы региональной, – для читателей той географической области, где художник творит, трудно переоценить. В этом случае такой писатель сердцу «местного» читателя может сказать больше, чем общепризнанный классик. Этот срез литературы сегодня занимает умы

филологов (можно указать на проводимые в Псковском государственном педагогическом институте конференции «Забытые и второстепенные писатели XVIII–XIX веков как явление европейской культурной жизни»). И диссертация О.В. Хандаровой в максимальной степени подтверждает важность «регионального компонента», что точно сформулировано во втором вынесенном на защиту положении. Оно звучит приблизительно так: нередко определенные обстоятельства диктуют «пристрастное отношение» к близким «по крови» литераторам, что приводит к появлению «несколько “стерильных” репутаций» (см. автореферат). Но последнее обстоятельство автор исследования совершенно справедливо связывает не только с условиями национально-территориальной локальности бурятской литературы, но и с общим положением, в котором оказывался советский писатель, если он хотел заслужить внимание, почет и уважение общественности. Все эти мои рассуждения призваны подчеркнуть междисциплинарный характер диссертационной работы, теснейшим образом корреспондирующей с наработками, осуществленными к настоящему времени в культурологии, этнопсихологии, психологии творческого процесса, социологии и т. п.

Поднятые проблемы определили композицию диссертационного сочинения, которую следует признать логичной и продуманной. Соискательница идет от общего к частному. Во **Введении** она касается методологических вопросов, указывая на новизну и актуальность своего исследования и его практическое применение. В **первой главе** характеризует «особенности литературной репутации бурятского советского писателя», выявляя специфику литературного процесса в Бурятской республике, приводящую практически к отсутствию свидетельств о литературном быте и одновременно «количественном», а не качественном измерении успеха писателей. Это дает возможность во **второй и третьей главах** перейти непосредственно к изучению рецепции творчества Н. Дамдинова и А. Бальбурова в критике и попытке выявить аксиологические параметры

сложившейся литературной репутации писателей. Указанные главы построены однотипно, но это не значит, что результаты и выводы оказываются идентичными и заранее «запрограммированными». Автору исследования замечательным образом удается обнаружить и общее, что обусловлено сходством общественно-социальных условий жизни писателей, и отличия, что объясняется различной жизненной позицией указанных художников и некоторым временным разрывом в их появлении на литературном небосклоне Бурятии. Многие начинают определять время, выдвигающее новые требования, которые предъявляются к облику советского писателя, его творческому и даже бытовому поведению (что особенно заметно в случае с Бальбуровым). В **Заключении** подводятся итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего изучения проблемы, среди которых важнейшими являются освобождение от идеологических напластований предшествующей эпохи и выход к подлинному освоению творческого наследия писателей, и даже, может быть, в чем-то исправлению сложившегося репутационного канона этих деятелей бурятской культуры. Кстати, «распахнутость» исследования, намечаемые перспективы – одно из безусловных достоинств данной диссертационной работы, обещающее творческий рост автора в дальнейшем.

О.В. Хандарова опирается на опыт работы признанных филологов, которые так или иначе затрагивали проблемы самопрезентации литератора и его социального функционирования. Естественно, что предполагалось в этом ключе рассмотреть проблему читателя и изучить возможности критики, играющей важнейшую роль в плане формирования репутации. Поэтому возникают имена Л.Я. Гинзбург, А.И. Рейнבלата, С.И. Чупринина и др. В самой диссертации, конечно, появляется фамилия И. Розанова, чьи работы стоят у истоков изучаемой проблемы. Но все же при основательном овладении теоретическим материалом, умении воспользоваться результатами, полученными вышеназванными учеными, теоретическую базу можно было бы несколько расширить. Особенно это касается понимания специфики

функционирования социальных институтов в советскую эпоху, «формовки» читательских ожиданий и формирования канона социалистического реализма, требования которого надо было соблюдать неукоснительно. И здесь автору очень помогла бы книга «Соцреалистический канон» (2000), демонстрирующая степень несвободы и критиков, и писателей, и читателей, которым так или иначе предписывалась в пространстве советской культуры та или иная роль. И ее они должны были выполнять, чтобы вписаться в социокультурное пространство. Немаловажным подспорьем явилась бы и книга В. Паперного «Культура 2», дающая представление о развитии культуры в социалистическую эпоху на обширном материале. Знакомство с этими текстами предохранило бы О.В. Хандарову от несколько излишней доверчивости по отношению к критическим отзывам на произведения Н. Дамдинова и А. Бальбурова, которые она воспринимает «один в один», не всегда учитывая то, чем руководствовались критики, рецензируя сочинения писателей, поскольку и критика в те годы должна была быть выстроена «по ранжиру» и сама должна была строго следить за созданием писательских иерархий, т. е. хвалить за то, за что было принято хвалить, ругать за то, за что нужно было поругать, поднимать на щит одних и развенчивать других (причем все это в определенных дозах и с помощью определенных формулировок). Этим во многом объясняется стереотипность отзывов, которые не проникают в глубину художественной ткани, далеко не всегда вскрывают авторскую индивидуальность, а обычно причесывают писателей «под одну гребенку». Однако следует отметить, что соискательница достойно выходит из этого наитруднейшего положения, находя мельчайшие разночтения, останавливаясь и выискивая едва уловимые нюансы.

Кроме того, указанные книги помогли бы автору диссертации более глубоко осмыслить то, что она называет «фольклором» советского народа» (с. 94). Думаю, более общеупотребительным термином в данном случае являлся бы «неомифологизм», «неомифология», о чем написано уже очень много работ. Ведь мифы советского времени достаточно хорошо изучены. Но возможно, в

творчестве привлекаемых авторов имело место иное претворение фольклорных основ? Тогда здесь пригодились бы работы Г. Гачева, внимательнейшим образом исследовавшего национальные мифы. И ответ на вопрос – что же перед нами, «мифы советского культурного сознания» или «фольклор советского народа»? – хотелось бы услышать...

Также хотелось бы больше узнать о субъективном факторе. Т. е. о том, как сами писатели хотели позиционировать себя в первую очередь. Здесь, конечно, многое могло подсказать решение о второй книге, которое принимается после дебюта, если дебют получает в критике освещение, если делаются какие-то советы. В какой степени писатель следует этим советам? Позволяет ли он себе сделать шаг вправо, шаг влево? Во многом именно в это время формируется стержень творческого поведения. В какой степени названные авторы поддавались «ковке» из себя тех образцов, коими они представляли на небосклоне бурятской литературы? Иначе создается впечатление, что они оба покорно подчинялись означенной формовке... И здесь я бы указала на некоторые свои работы, которые имеют прямое отношение к этой проблеме, в первую очередь на статьи об «имидже» писателя (Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе: Проблемы теоретической и исторической поэтики. В 2-х частях. Ч. 1. Гродно, 2000), о «репутации» художника (Вестник Крымских чтений И.Л. Сельвинского. Вып. 3: И. Сельвинский: проблема творческой индивидуальности: Сборник научных статей. Симферополь, 2004) и о значении дебюта (Свободный талант (дебют А.Н. Толстого в оценке дореволюционной критики) // Поэтика реализма. Куйбышев, 1985).

И мне кажется, что О.В. Хандарова упустила некую возможность. Было бы интересно распутать «узелок», который теснейшим образом связал двух художников. Я имею в виду повесть Н. Дамдинова «Лицо человека», которая вызвала нарекания по вполне понятному поводу: выносился сор из «партийной» избы, а это не могло поощряться, хотя еще дули ветры перемен,

было время хрущевской оттепели... Но если в центре подобное могло «проскочить», то региональный контекст препятствовал «потеплению» общественной атмосферы. И, судя по критическим отзывам, «оттепель» в бурятской литературе прошла незамеченной – ведь надо было всемерно заботиться об укреплении престижа национальной литературы, развитии традиций, включении бурятской литературы в соцреалистический канон и пр. Поэтому явно критическая струя не приветствовалась.

И может быть, не стоило относить появление повести к «заблуждениям» Н. Дамдинова, как сделал он сам, полностью приняв отлаженную в критике версию, а предложить альтернативный вариант прочтения, если он был возможен. Ведь перед нами, кажется, редкий случай проникновения на страницы художественных произведений подлинной жизни с ее подлинными коллизиями! И возможно, стоило похвалить начинающего автора за неожиданную смелость, едва не стоившую ему карьеры хрестоматийно правильного советского писателя, чья репутационная карьера только начинала складываться. Также осталось «нерасшифрованным» неприятие критикой его очерков «Будем знакомы, атом». Казалось бы, все на месте, все так, как должно быть написано на архисовременную тему. А вот не понравилось? В чем же дело?

С «грехами» другого героя исследования – А. Бальбурова – все более-менее ясно: самостоятельная позиция по руководству журналом «Байкал», ставшим в 70-е годы одним из лидеров печатных изданий, не могла в итоге не привести к конфликту, который усугубился бытовыми коллизиями. Здесь очень интересными следует признать размышления О.В. Хандаровой по поводу возможных сопоставлений с «Новым миром» Твардовского и той роли, которую в этом отношении сыграл Бальбуров для журналистики Бурятии и всего СССР в целом. Вообще, страницы о публицистическом наследии писателя, его редакторской работе и ее рецепции – одни из лучших в диссертации.

И в целом проведенный молодой исследовательницей анализ критических отзывов позволяет сделать вывод о поистине блистательном охвате всей имеющейся критической литературы, посвященной писателям, в которой учтены и выступления в местной печати, и отзывы в ведущих толстых журналах. Думается, что к отзывам можно было бы добавить отчеты библиотек, безусловно, проводивших конференции по творчеству изучаемых писателей. Эти отчеты могли сохраниться в Отделах культуры (Библиотекой народов СССР в Москве делались отчеты по результатам проводимых конференций и выступлениям и отзывам читателей). И это можно было бы считать заполнением лакуны по изучению литературного быта республики. Библиотеки обычно очень подробно описывали выступления и пр. Также хотелось бы знать, имеются ли читательские отзывы в издательствах. Советские люди любили выразить свое восхищение в письменной форме. Возможно, такие письма сохранились и у родных Н. Дамдинова и А. Бальбурова.

Несколько непонятным остался для меня принцип оформления библиографии. Более привычным было бы выделение текстов изучаемых художников отдельно. А то они оказались затерянными в сонме критических отзывов, которые тоже являются исходным материалом, но все же несколько иного порядка. Кроме того, я не нашла там некоторых знаковых вещей, таких как сборники «Золотой корень», «Белый месяц» А. Бальбурова, вышедшие в изд-ве «Детская литература» в 1973 и 1980 гг. соответственно. Можно было бы указать и на другие названия, обсуждаемые на страницах диссертации, но почему-то не попавшие в список ИСТОЧНИКОВ.

Конечно, было бы интересно узнать, а появились ли отзывы на «Витимскую сказку», повествующую о жизни людей в далеком глухом бурятском селении Жодоото на берегу сурового Витима. Здесь живут пока две семьи: старый охотник Гарма со своим внуком Дамбой и их сосед, браконьер Хамаев. В основе сюжета лежит вечная борьба добра со злом, с обязательным торжеством добра в конце всех козней, на какие только способны злые люди.

«Сказка» вышла в Казахстане в 1983 г. и, возможно, имела какой-то отзвук в местной прессе. И особенно интересно в таком случае понять, как бурятский национальный колорит был воспринят представителями другой нации, тем более что в сюжете есть какое-то сходство с «Белым пароходом» Ч. Айтматова. Уловила ли это среднеазиатская критика, для которой фигура Айтматова становилась все более и более показательной? В отношении Н. Дамдинова дело обстоит благополучнее, т. к. у него вышел трехтомник, в котором содержалось почти все, им написанное. Но для непосвященных стоило бы подробно расписать его произведения.

Данное исследование можно считать первым, имеющим непосредственное отношение к воссозданию функционирования персоны художника в литературном дискурсе эпохи застоя, т. е. когда ушла в прошлое острая классовая борьба и казались абсолютно незыблемыми все принятые установки, когда царила некоторая благостность, а неприятие творческого поведения приводило к выговору по партийной линии и все же не оборачивалось далеко идущими последствиями, разве только временным отлучением от работы. Как видим, обработка самого материала представляла собой значительные трудности, ибо постоянно приходилось работать на пересечении социологии и филологии, буквально пробиваться сквозь напластования единообразных формул. Но диссертантка со всем успешно справилась. Конечно, можно было бы заострить некоторые моменты, вынести более жесткий приговор эпохе, канонизировавшей своих классиков, а потом благополучно о них забывавшей. Но не стоит упускать из виду, что О.В. Хандарова пишет не о ведущих тенденциях литературной жизни, а о тех, которые все-таки происходили на определенном отдалении от центра, где свою силу диктовали во многом «местные» условия и где на первый план выходила национальная специфика и национальный менталитет. И этот ракурс работы следует оценивать и оценить высоко в первую очередь. При этом очень важно, что она видит: утверждение национального своеобразия и отстаивание

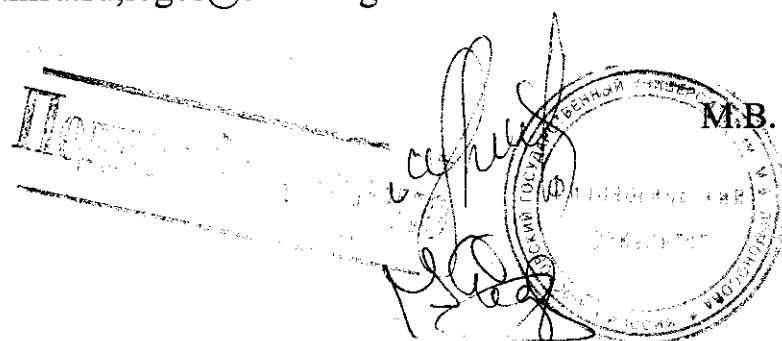
национальной самобытности проходило разные этапы (напомним о гонениях на бурятский эпос «Гэсэр», от чего пострадал в свое время А. Бальбуров и что в свою очередь послужило основой для его высокой оценки ранних статей Н. Дамдинова). А это значит, что исследовательница соблюдает принцип историзма, который и позволяет ей проводить «ревизию» прошлого не с высоты сегодняшнего мышления, а с учетом конкретно-исторических особенностей момента.

В автореферате отражены основные положения диссертации. Имеются необходимые публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

В целом работа О.В. Хандаровой может быть рассмотрена как научно-квалификационное исследование высокого качества. Перед нами молодой ученый, обладающий хорошей филологической подготовкой, сфокусированной в области соприкасающихся с филологией междисциплинарных исследований, способностью выдвигать и отстаивать оригинальные литературоведческие концепции. Данное диссертационное исследование на тему ««Формирование литературных репутаций Н.Г. Дамдинова и А.А. Бальбура» полностью соответствует требованиям, изложенным в п. 9, 10 Положения ВАК Российской Федерации от 2013 года, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.02 – литература народов Российской Федерации (сибирская литература: алтайская, бурятская, тувинская, хакасская, якутская).

Доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, академик РАЕН
119992 Москва, Воробьевы горы, МГУ,
1-й корпус гуманитарных ф-тов
Тел.: 939-32-77; Факс: 939-55-96; 939-56-02
E-mail: logos@logos.msu.su; logos@slovo.logos.msu.su

27. 03. 2015 г.



М.В. Михайлова